

**«Другая семья»: модель социалистической семьи
Антон Семеновича Макаренко (13 марта 1888 – 1 апреля 1939)**

Когда 1 апреля 1939 года на подмосковной станции Голицино милиция и врачи сняли с поезда умершего пассажира, то не сразу узнали в нем одного из известных тогда писателей – Антона Семеновича Макаренко. Обнаруженные при составлении акта о смерти вещи тоже их озадачили: не только рукописи, но и два паспорта – на себя и супругу, две сберкнижки – тоже своя и супруги... А медики потом увидели удручающую картину – смертельный инфаркт, скорее всего, – не первый у 52-летнего не старого еще человека.

Сегодня Антон Семенович Макаренко – один из четырех выдающихся педагогов в мировой истории, чье творчество, по версии ЮНЕСКО, определило «способ педагогического мышления». Однако его творчество, а именно так хочется назвать его жизненный путь, – претерпевало в разные времена противоположные оценки, вплоть до XXI века.

Начиналась жизнь этого человека очень трудно, причем с первых минут появления на свет. Мама, Татьяна Михайловна, неловко поскользнувшись у колодца на ст. Белополье (Харьковская губерния), родила прежде времени сына. Это случилось 1 марта 1888 года. Слабый, узкогрудый мальчик, он несмотря на всю любовь к нему родителей, и особенно отца, железнодорожного служащего, – стоял всегда в собственном семействе особняком и помнил только неприятные моменты. Лишь в разговорах с младшим братом Виталием находил какую-то отдушину.

Еще труднее складывались его отношения со сверстниками, которые не принимали в свой круг вечно болеющего то простудой, то фурункулами близорукого мальчика. Пожалуй, только книги были его истинными друзьями. На них он тратил все карманные деньги, а потом и свои первые заработки.

На фоне традиционных отношений в семьях, уважительных и взаимно поддерживающих, поведение юноши, закончившего в 1897 году начальное железнодорожное училище, а в 1904 году четырехклассное училище в Кременчуге и годичные педагогические курсы, – было странным. По выражению отца, который, однако, и дал «путевку в жизнь» сыну, посоветовав стать учителем, Антон приходил в отчий дом как в гостиницу – поспать, поесть и переменить белье. Учítывая, что именно в это время его семья строила собственный дом в Крюкове, где трудился отец, а вскоре начал преподавать и Антон – в Крюковском железнодорожном училище, – отсутствие материальной помощи в таком важном деле выглядело удручающе. История сохранила его краткий диалог с отцом: когда тот упрекнул сына, что

он, начинающий педагог, не отдает в семью ни копейки, Антон ответил: «Я не просил вас меня рожать».

Так начинал свое поприще будущее светило науки о воспитании. Попреки домашних, а еще более – неуверенность в выборе профессии привели к тому, что Антон, атеист в душе, пришел на исповедь к священнику, – перед тем, как завершить самому свой жизненный путь. Батюшка настолько был поражен ситуацией, что поручил попечение за 17-летним учителем своей супруге. И тут свершилось невероятное: околдованная его внутренним миром, умением шутить и огромным интеллектом, Елизавета Григорович, старше своего «воспитанника» на 8 лет, начала жить с ним гражданским браком. Все это случилось в 1905 году. (Добавим, что сам священник смог пережить такой удар и ушел в монашество, впоследствии эмигрировал), а «молодые», изгнанные от отчего дома Макаренко (потом прощенные), вместе прожили в гражданском браке еще 20 лет и расстались по инициативе Антона Семеновича; однако Елизавета долгие годы трудилась вместе с Макаренко, разделяя полностью его взгляда на педагогику.

Этот период – 1905–1911 годов – в целом и сформулировал для Макаренко те проблемы, которые он потом решал на протяжении многих лет – как учитель и воспитатель.

Уже преподавание в школе при Крюковских железнодорожных мастерских, где учился самый разный контингент, показало – адекватных методик нет. Даже учеба в Полтавском учительском институте, основанном в 1914 году (Макаренко попал в первый набор), не сильно помогла ему в работе. Не зря тема его дипломного сочинения звучала как «Кризис современной педагогики».

События Первой мировой войны и начавшейся революции могли бы унести жизнь Антона Семеновича, мобилизованного в 1916 году. Но его спас брат. В 1917–1918 годах Макаренко возглавил школу в Кременчуге, в которой понял бесперспективность прежних педагогических идей. Но помимо Елизаветы рядом с ним в тот период был брат Виталий, с детства тяготевший к скаутскому движению. Начинается время экспериментов и тех педагогических приемов Макаренко, которые впоследствии стали важнейшей частью его системы: воспитание трудом и в коллективе. В школе в Кременчуге появляется театральная студия, в жизнь школы вводятся военно-физкультурные занятия. Внимательный взгляд Антона вскоре увидел массу плюсов в этих нововведениях, которые затем успешно применял позже.

Однако эта идиллия скоро закончилась. Кременчуг взяли красные войска, Виталий присоединился в Добровольческой армии, с которой потом и эмигрировал, а Антон переезжает в Полтаву.

Именно здесь, в селе Ковалевка под Полтавой Антон Семенович по поручению Полтавского отдела народного образования организовал и возглавил трудовую колонию для несовершеннолетних беспризорников. Это был его первый опыт работы с таким контингентом. Тогда к Макаренко пришло понимание того, что у этих ребят с изломанной судьбой никогда своей семьи не было, но ее им нужно обязательно дать. Причем опыт собственной родительской семьи Макаренко категорически был неприятен. Не так важно, какая у человека семья – своя собственная или коллектив, – главное, он не должен быть один, и именно коллектив может спасти и воспитать, возродить к созиданию.

В РГАЛИ хранится основное (частично опубликованное) документальное наследие писателя, педагога, великого труженика. Оно было передано в Центральный государственный литературный архив его вдовой Галиной Стахивной Макаренко (Салько) из московской квартиры педагога и писателя в Лаврушинском переулке 12 августа 1941 г.

В переданном небольшом на тот момент собрании были автографы нескольких частей «Педагогической поэмы», верстка книги, гранки с правкой, небольшая библиотека писателя-педагога, газетные подшивки, доклады выступлений А.С. Макаренко, – всего 379 будущих единиц хранения.

После смерти в 1962 году Галины Стахивны, в архив поступила основная часть наследия. Ныне это более 1500 архивных дел в пяти описях. Среди них – автографы почти всех произведений А.С. Макаренко, его переписка, фотографии, семейные и биографические материалы и, что не менее удивительно, – немалая часть делопроизводства Трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

После смерти вдовы А.С. Макаренко ее племянница и наследница на 30 лет закрыла весь фонд – для подготовки публикации полного собрания сочинений А.С. Макаренко. Полным его назвать сложно, многие документы, особенно переписка, оказались усеченными, отредактированными или опущенными; когда же окончился «заповедный срок», – наступили 1990-е годы. Интерес к советским методам воспитания оказался подмененным той самой трясинной болтовней, с которой долгие годы боролся сам Макаренко.

«Помоги слабому, помоги старухе, не обидь младшего, трудись, не задавайся, будь честен, коллективен, не завидуй успеху товарища, – это успех коллектива» (РГАЛИ. Ф. 332. Оп. 1), – таковы были почти евангельские заповеди атеиста Макаренко, которые помогли воспитать ему тысячи ребят. Хотя правильнее их было бы назвать преступниками, – столько за каждым тянулось тяжелых проблем: разбой, кражи, драки, покушения на жизнь, весьма вольные отношения с взрослыми. Их предстояло не просто оградить от

«пагубных привычек» (или – оградить общество от них?), а помочь войти в жизнь заново совершенно иными людьми.

«Отчаяние» и «злость» охватывали 32-летнего педагога в самые кошмарные первые месяцы работы в трудовой колонии в Ковалевке не только потому, что «не было метода» для воспитания, но и потому, что с этого времени шла неустанная борьба с чиновниками от образования за своих детей, за свое дело, за право воспитывать человека так, чтобы он оставался личностью всегда и везде. Поразительно, но главная гонительница метода Макаренко – Н.К. Крупская, как раз ратовала за свободное воспитание строителя коммунизма, который холил бы свою индивидуальность в некоем особом коллективе, лишенном проблем, и добровольно трудился во благо всех. Беда в таком подходе была одна – чем, какими способами можно было бы вызвать такое горение во имя общего дела у малолетних преступников?

Макаренко смог создать прообраз скаутской организации, опробованной еще в 1917–1918 годах: с ее железной дисциплиной, обязательной эстетикой всех ритуалов, необходимостью спорта, отрядной системой и, конечно, духом коллективизма. Ведь главными организаторами, ответственными не только за себя, но и за благополучие других, становились сами подростки.

Сохранившиеся в фонде материалы Коммуны им. Дзержинского, куда он перешел в 1928 году, изобилуют приказами, причем большинство их – о выговорах за опоздание, за прогулы учебных занятий, за порчу общего имущества... Методы наказания были весьма просты: лишение права на выходной день, каких-то своих маленьких радостей, но самым страшным всегда являлось отчисление из коммуны, – то есть, по сути, лишение семьи. И еще важнейшим стал совершенно демократический метод «вершения судеб» своей коммуны самими воспитанниками, – при наблюдении, конечно, руководства коммуны. Все решал совет командиров отрядов, а поскольку за все время жизни в коллективе КАЖДЫЙ его член успевал побывать на каком-то выборном посту, то справедливость впитывалась можно сказать естественно. Все проблемы решались сообща, как в нормальных обычных семьях.

Но это, однако, не всегда спасало руководство коммуны от постоянных проверок и разбирательств с областным начальством. Даже приезд в «подшефную» Колонию им. М. Горького самого Алексея Максимовича летом 1928 года не уберег А.С. Макаренко от продолжения изматывающих окриков «защитников детства». Вместе с тем личное знакомство подвигло Антона Семеновича к воплощению его давней мечты – стать писателем. Задумав в крайне тяжелом для него 1927 году «Педагогическую поэму», он начинает этот обессмертивший его труд. Ночами, «в 25-й час суток».

И все же осенью 1928 года Антон Семенович покидает колонию и возглавляет Коммуну им. Дзержинского, которая находилась в ведении НКВД и к организации жизни которой он имел и раньше близкое отношение. Работа там кипела: имелось большое подсобное хозяйство (несколько гектаров земли, 300 английских свинок и другая живность), своими руками изготавливалась мебель, частично шилось обмундирование – и не на уроках труда или в кружках, а на вполне профессиональной основе, которая давала возможность самообеспечения. Но это все было не очень серьезно, считал Макаренко. В 1930 году в Коммуне был открыт рабфак по сборке фотоаппаратов ФЭД – «Феликс Эдмундович Дзержинский», по образцу немецкой «Лейки». Качество и количество аппаратов было таково, что затем Харьковская трудовая коммуна была преобразована в промышленный комплекс и переименована в «Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского». Финансовые плоды трудов давали возможность для походов коммунаров в театры, вылазок на экскурсии, коллективных поездок на Черное море. Заработанные каждым деньги, однако, шли не только на общее благо, но и собирались – каждому – на выпуск, который Антон Семенович считал важнейшим жизненным актом для каждого воспитанника.

Свою работу Макаренко называл «филигранной» не случайно. В центре ее стояло то, что он называл «педагогической операцией», – то есть создание ядра своих единомышленников из числа воспитанников. Это ядро становилось прообразом семьи, которой все его подопечные были лишены еще в очень раннем детстве (если вообще и имели ее когда-то).

Макаренко упрекали в том, что, внедряя принципы «самоокупаемости» и «самообслуживания» не только в бытовом, но и в производственном смысле, он делает из детей «батраков», воспитывает «в принудительном порядке». А он писал, уже в ту пору, когда его коммунары выпускали вполне конкурентоспособные фотоаппараты «ФЭД», совсем о другом: «... Скажите, кому нужна была именно 1000 сверлилок, если для этого нужно ввести 12-часовой рабочий день, разрушать всю коммунарскую организацию, покончить с книжкой и всякой другой культурной работой, перемешать день с ночью?... самое замечательное, что есть в коммуне, – это коммунарский коллектив. Его не заметили, как не замечают здоровье. ... Только работа этого коллектива над собой, только школа и книга могут определить наше движение вперед. Завод – только часть общей работы над коллективом...» (РГАЛИ. Ф. 332. Оп. 4).

Действительно, трудовое воспитание – было только частью жизни. Потому что везде Макаренко начал со строительства ... оранжереи, и обязательно с выращиванием «настоящих» цветов – роз, хризантем. Всегда

организовывались совместные чтения книги, свои театральные коллективы с «настоящими» декорациями и костюмами. Почти сразу строились и реализовывались планы на будущее лето – с летним отдыхом в Крыму.

Но все это, как не странно, Антон Семенович отстаивал в жесточайшей борьбе с начальством. Уже в 1930 году он фактически ушел из практической педагогической работы на писательскую ниву.

...А еще в его жизни всегда были высокие чувства. Не обладавший запоминающийся внешностью, он сумел увлечь своими планами и будущую супругу – Галину Стахивевну, ставшую активным популяризатором школы Макаренко. 27 мая 1928 года он писал своей будущей супруге: *«Когда в какую-нибудь тяжелую минуту я обращаюсь к океану нашего чувства, для меня не существует уже ничего тяжелого, ничего страшного, ничего горестного. Так прекрасно высоко тогда стоять на ветру, знаете, когда треплются полы, свистит в ушах и захватывает дыхание. И ничего не нужно, кроме этой прекрасной чистой бури, и даже прекрасно, что кругом только небо и дали. Когда много ветра и неба, тогда просыпается какая-то “верхняя философия”, какая-то особенная ценность человеческой сущности. Это и есть любовь...»* (Из письма к Г.С. Салько.).

Поразительно в жизни А.С. Макаренко очень многое. Как мог человек, в общем-то со слабым здоровьем, находясь всего около 15–17 лет на практической педагогической работе с тяжелейшим «контингентом» – не только создавать целостные коллективы, но и дарить воспитанникам, по сути, нормальное человеческое будущее? Причем они впоследствии никогда не возвращались к прежней жизни, оставаясь по большей части всегда в поле зрения А.С. Макаренко. Его переписка с ними, сохранившаяся в фонде, – живое свидетельство этого. Когда он успел написать десятки книг и статей – «Педагогическую поэму», «Марш 30 года», «Флаги на башнях», «Книгу для родителей», «Методику организации воспитательного процесса» и многие другие, издававшиеся потом миллионными тиражами?

Жизненный путь А.С. Макаренко завершился тогда, когда он не исчерпал себя ни как наставник, ни как писатель, которому, как стало ясно позднее, оказались подвластны все жанры: романы, сценарии, пьесы, рассказы, устные выступления, – все то, что ныне хранится в РГАЛИ.